

ВЛАДИСЛАВ МАХЬЯНОВ

АРЕНДА ВЕЧНОСТИ

ШЕСТАЯ ГРАНЬ

КНИГА ВТОРАЯ

Владислав Махьянов

Аренда вечности.

Шестая грань.

<https://litres.ru/74393084>

SelfPub; 2026

Аннотация

После событий первой книги Виктор и Анна пытаются жить в реальности, где чудо перестало быть повседневным. Но из 2048 года приходит папка, монета встаёт на ребро, а несуществующая станция начинает оставлять следы в настоящем.

Четыре носителя Даров, пятое пустое место и новая сила — Память — соединяют несовместимые жизни города. Люди помнят разные смерти, родства и утраты, а документы меняются быстрее, чем человек успевает понять, кем был.

Виктор собирает шестерых свидетелей, но общее свидетельство может оказаться опаснее лжи: если все вспомнят вместе, одна версия прошлого поглотит остальные. Чтобы спасти город, им придётся найти шестую грань — право не соглашаться даже с чудом, которое обещает исправить всё.

Содержание

Пролог. Станция, которой ещё нет	4
ЧАСТЬ I. СТАНЦИЯ, КОТОРОЙ НЕТ	10
Глава 1. Три удара	10
Глава 2. Город маленьких чудес	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Владислав Махьянов

Аренда вечности.

Шестая грань.

Пролог. Станция, которой ещё нет

В две тысячи сорок восьмом году на станции не осталось часов.

Не потому, что они остановились. Остановившиеся часы хотя бы показывают одно время. Здесь все часы продолжали идти правильно — и ни одни не показывали одно и то же время.

Над дверью центрального зала электронное табло показывало 03:17. Наручные часы Антона Сидорова — 19:42. На экране аварийного терминала стояло 11 ноября, хотя снаружи, судя по камерам, цвела сирень. Телефон в его кармане утверждал, что батарея разрядится через двадцать две минуты, но повторял это уже третьи сутки.

Антон сидел на полу возле открытого щита и удерживал кабель ладонью в защитной перчатке. Напряжения в нём быть не должно.

Ток шёл через перчатку, руку, плечо и грудь. Пока не убивал.

За стеклом центральной камеры стояли четверо.

Девушка с монетой. Мужчина, рядом с которым металл покрывался трещинами. Женщина без отражения. Юноша, заставивший запертую дверь забыть, что она закрыта.

Между ними находилось пустое кресло.

У кресла не было спинки, подлокотников и ножек. Оно состояло только из места, которое кто-то должен был занять.

— Антон, — сказал голос в наушнике. — Контур снова собирается.

Говорил его брат Лев. Из наблюдательной комнаты на два уровня выше. По документам Леву было шестьдесят семь. В памяти Антона — сорок пять. На фотографии в пропуске он выглядел ребёнком.

За последнюю неделю возраст Льва менялся пять раз. Станция всякий раз сохраняла одну деталь: он оставался младшим братом, даже когда его тело становилось старше Антона. Семейные отношения держались дольше календаря.

Антон проверил связь. В наушнике шуршало дыхание Льва. Когда-то, в доме с выбивавшими пробками, этот звук означал, что младший брат снова идёт за ним в тёмный коридор. Теперь коридор был размером со станцию, а темнота умела помнить.

— Ты на месте? — спросил Антон.

— В одной из версий.

— Выбери ту, где видишь щит.

— Я вижу три.

— Тогда не выбирай. Просто описывай отдельно.

Они научились этому слишком поздно: не сводить несовместимое в одну удобную картину. Называть каждую версию своим голосом, пока станция не превратила голоса в хор.

Станция больше не различала возраст и порядок событий. Она помнила все версии людей сразу.

— Отключай питание, — ответил Антон.

— Мы уже отключили.

— Тогда почему оно работает?

— Потому что мы помним, что оно работало.

В центральной камере девушка подбросила монету.

Она не упала.

Зависла над ладонью, вращаясь сразу в обе стороны. На одной стороне была цифра. На другой — герб. Между ними проступала узкая тёмная грань, которой не могло быть у плоского металла.

Антон услышал первый удар.

Не в двери. Внутри времени.

Второй удар пришёл из прошлого. Третий — из события, которого ещё не произошло.

По стенам станции пошли трещины. В каждой открывался другой коридор. В одном по полу текла вода. В другом лежали тела. В третьем Антон видел себя стариком, стоящим у архивного стола перед человеком, который ещё не знал, что станет причиной этой ночи.

— Лев, слушай меня.

— Я слушаю.

— Не пытайся предупредить их о смерти.

— О чём тогда?

Антон посмотрел на четверых в камере. Они уже не стояли отдельно. Их тени соединялись в одну фигуру, но лица оставались разными.

Пятая сила проснулась между ними.

Не Удача. Не Неудача. Не Тьма. Не Свобода.

Память.

Она не принадлежала никому, поэтому могла использовать каждого.

— Скажи им, чтобы не вспоминали вместе.

— Кому?

Антон хотел ответить, но кабель в его руке стал горячим.

За стеклом девушка повернулась к нему. В её глазах были две несовместимые жизни. В одной она никогда не знала мать. В другой мать держала её на руках и называла чужим именем.

— Вы уже говорили это, — сказала девушка.

Антон не слышал её через стекло, но понял слова.

Пустое кресло повернулось к нему.

У места не было лица, однако Антон почувствовал внимание.

Станция предложила выбор: одна общая история или разрушение всех остальных.

На одном из экранов Лев сидел в наблюдательной и дер-

жал ладонь на выключателе. В другой версии его там не было: комната принадлежала мальчику в школьной форме. В третьей брат уже стоял рядом с Антоном, седой и старый, хотя между ними сохранялись четыре года разницы.

Антон не хотел умирать. Эта мысль оказалась почти неприличной среди аварийных сигналов и будущих протоколов. Станция давно превратила его смерть в технический параметр: необходимая нагрузка, допустимый ток, время удержания контура. Даже Лев говорил о ней как о событии, которое нужно правильно запомнить.

Антон вспомнил отца возле домашнего щитка. Тогда выключатель действительно существовал. Нужно было только добраться и не испугаться раньше времени. После смерти отца он много лет считал, что проблема была в отсутствии человека у автомата. Теперь понимал: иногда выключатель предлагает миру слишком простой рассказ о цене.

— Лев, — сказал он. — Если я отключу, не называй это правильным решением.

— Тогда каким?

— Моим. Только моим.

Ответ брата потерялся в шуме. Станция уже собирала голоса в общую фразу.

Он подумал, что любой человек в такой момент становится богом лишь на длину собственного страха.

Потом отпустил кабель.

Свет погас.

Лев успел услышать в наушнике последние слова брата:
— Запомни отдельно.
Станция исчезла из 2048 года.

ЧАСТЬ I. СТАНЦИЯ, КОТОРОЙ НЕТ

Глава 1. Три удара

Я не открыл ящик ночью.

Это казалось важным не потому, что я победил любопытство. Просто впервые невозможное постучало, а я не принял стук за личное приглашение.

Раньше любой звук из закрытого места превращался для меня в приказ. Я входил в зеркала, спорил с пустотой, разрывал причины и называл любопытство поиском истины. Теперь я погасил свет, надел пальто и вышел из архива.

На улице шёл мелкий снег. Он таял на асфальте и сразу превращался в грязную воду. Последний автобус пришёл на четыре минуты позже расписания. В прежней жизни я бы знал, почему задержался водитель, сколько людей из-за этого опоздают и какая цепочка случайностей закончится через неделю чужой ссорой. Теперь автобус просто опоздал.

Я сел у окна и смотрел на отражение. Оно моргало вместе со мной, не улыбалось отдельно и не пыталось предупредить о мире за стеклом. Обычность требовала привыкания.

Анна не спала. Сидела на кухне в сером свитере и читала

книгу о человеке, способном возвращаться на один день в прошлое. Возле локтя стояла пустая кружка, а на подоконнике сохли две пары перчаток. В квартире пахло апельсиновой коркой и нагретой батареей.

— Не открыл? — спросила она.

Я снял пальто.

— Откуда знаешь?

— Если бы открыл, ты вошёл бы не через дверь.

— Возможно, там мышь.

— В металлическом ящике?

— Очень настойчивая мышь.

Анна закрыла книгу. В прежней жизни её молчание означало, что она знает больше. Теперь я научился различать другое молчание — то, в котором человек просто не хочет заставлять тебя произносить очевидное.

Я рассказал про три удара, монету с трещиной и заявление старика, помнившего смерть брата через двадцать два года. Оба предмета остались в нижнем ящике.

— Правильно, что не открыл, — сказала Анна.

— Ты правда так думаешь?

— Нет. Но хочу, чтобы это было правильно.

Она разогрела суп. Мы ели почти молча. За стеной соседи ругались из-за стиральной машины, потом смеялись, потом снова ругались. Мир продолжал производить причины без нашего участия.

— Завтра можно оставить ящик закрытым, — сказала Ан-

на.

— Можно.

— И неделю.

— Можно.

— Ты перечисляешь варианты, чтобы потом сказать, что выбрал осознанно?

— Да.

— Тогда хотя бы не называй это свободой. Это отсрочка.

Мы легли около двух. Я долго слушал её дыхание и шум машин. На груди был белый шрам из войны, которой не существовало в этой ветви. Иногда он болел перед дождём. Иногда — перед событиями, для которых у тела ещё не было слова.

Мне приснилась станция.

Платформа уходила в темноту. Рельсы были покрыты тонким слоем воды. На стене висела табличка без названия, вместо букв — шесть вертикальных царапин. По тоннелю приближался поезд, но свет фар не становился ярче. Он находился сразу далеко и близко.

Когда двери открылись, внутри сидели люди, которых я когда-то предпочёл другим. Илья с крыши. Ребёнок из машины после аварии. Моя мать. Отец. Девочка, лицо которой Анна отдала креслу. Все держали одинаковые заявления.

В графе «причина обращения» было написано:
НЕ ВСПОМИНАТЬ ВМЕСТЕ.

Я проснулся до будильника. Анна стояла у окна.

— Мне тоже снилась станция, — сказала она.

— Такая же?

Она не ответила.

Мы не стали сравнивать сны. После Потолка мы оба знали: совпадение иногда опаснее различия.

Перед выходом позвонила мать. Спросила, приедем ли в воскресенье и не забыл ли я купить фильтр для воды. Я ответил, что не забыл, хотя забыл. Она рассказала про соседку, сломавшую ключ в замке, про подорожавшие лекарства и про кошку, которая снова забралась в подвал.

Я слушал и боялся не за неё, а за разговор. За право обсуждать фильтр, не превращая каждую мелочь в символ. Когда человек однажды видел десятки смертей собственной матери, обычная жалоба на давление становится роскошью.

— У тебя голос странный, — сказала она.

— Не выспался.

— Опять на работе ночевал?

— Нет.

Я мог рассказать про папку и своё имя в списке. Мог попросить её не выходить из дома в 2031-м или в 2048-м, хотя не знал, какую дату защищать. Вместо этого пообещал приехать в воскресенье.

После звонка Анна сказала:

— Ты не предупредил её.

— О чём?

— Да.

Это было первое правило нового расследования: документ из будущего не получал права управлять настоящим только потому, что выглядел уверенно.

В архив пришли вместе. Дежурная на входе удивилась Анне, но ничего не спросила. В здании пахло пылью, мокрыми куртками и кофе из автомата. Обычный запах места, где прошлое превращают в папки.

Дверь кабинета была заперта. Нижний ящик — выдвинут. Замок не сломан. Ключ лежал у меня в кармане.

На столе стояла монета. Не лежала — стояла на ребре. Трещина по грани стала шире. Внутри мерцал тонкий тёплый свет.

Заявление старика исчезло.

Вместо него в ящике лежала папка из серого картона. На обложке стоял штамп нашего архива:

ПОСТУПИЛО: 11 НОЯБРЯ 2048 ГОДА.

Анна остановилась у двери.

— Мы можем уйти.

— Можем.

— Позвонить в полицию.

— Можем.

— Сжечь папку.

— Не можем.

— Почему?

— Потому что тогда не узнаем, что именно решили уничтожить.

Она подошла ближе.

Мы открыли папку вместе.

Внутри находились семь листов: список погибших при аварии на объекте «Станция-б», четыре фотографии, схема подземного комплекса и протокол, подписанный человеком по фамилии Сидоров.

В списке стояло моё полное имя. Даже фамилия была той, которую реальность выдала мне после возвращения. Следом — Анна. Третьей значилась Валерия Воронина. Четвёртым — Антон Михайлович Сидоров.

Последние три строки были повреждены. От имён сохранились только инициалы: Д. А., С. К. и Т. Г.

Напротив каждого стояло одно время смерти: 03:17. Дата распалась на две строки. В верхней читалось 11.11.2031. В нижней — 11.11.2048.

— Это не предсказание, — сказала Анна.

— Почему?

— Предсказания пытаются убедить. Документ просто утверждает.

На последней странице был снимок центрального зала. За стеклом, вокруг места, похожего на кресло без формы, стояли четверо. Перед стеклом — ещё двое. Камера показывала 11 ноября 2031 года.

Одним из людей снаружи был я. Выглядел старше на несколько лет. На виске шёл белый шрам, которого пока не существовало. Рядом стояла Анна с коротко остриженными

волосами.

Внутри камеры девушка держала монету. Возле мужчины в рабочей одежде металл расходился трещинами. Женщина у зеркальной панели не имела отражения. Худой юноша стоял перед дверью, открытой в место, которого не могло быть под землёй.

У его ног лежал красный пластмассовый самолёт.

На обороте фотографии кто-то написал:

ПЯТАЯ ПРОСЫПАЕТСЯ, КОГДА ЧЕТВЕРО ПОМНЯТ
ОДНО.

Ниже, другим почерком:

ШЕСТАЯ ВОЗНИКАЕТ МЕЖДУ ТЕМИ, КТО НЕ СО-
ГЛАСИЛСЯ.

Я перечитал фразу дважды.

— Пятая и шестая что?

Анна взяла снимок за края.

— Возможно, Дары.

— Их было четыре.

— Было четыре, которые Архитекторы сумели назвать.

Монета на столе качнулась.

Из пустого ящика раздался один удар. Второй пришёл из стены. Третий — из груди Анны.

Она резко вдохнула и прижала ладонь к рёбрам.

— Что?

— Я вспомнила это место.

— Станцию?

— Нет.

Она посмотрела на фотографию.

— Твою смерть.

Глава 2. Город маленьких чудес

До полудня мы никому не рассказали о папке.

Не из осторожности. Мы просто не знали, кому принадлежит право услышать собственную будущую смерть. Мне, потому что имя стояло первым? Анне, потому что она помнила? Полиции, потому что существовал список погибших? Архиву, потому что на обложке был его штамп?

Я убрал папку в сейф для особо ценных документов. Монути оставил на столе. Она не двигалась, но мелкие события вокруг начали вести себя так, будто ждали команды.

Сотрудница отдела обращений принесла стопку запросов и сказала, что система «сошла с ума». В её голосе не было мистики. Только раздражение человека, которому до обеда нужно закрыть двадцать карточек.

Первая карточка утверждала, что мужчина жив и одновременно пропал без вести. Вторая содержала свидетельство о рождении ребёнка, которого мать не помнила. В третьей значился брак двух людей, никогда не встречавшихся. В техническом паспорте жилого дома появился девятый этаж, отсутствовавший на улице. Дело о пожаре сообщало, что здание уничтожено, хотя из окна архива было видно его крышу.

Система выделяла каждое противоречие красным и требовала выбрать одно состояние.

Я открыл карточку пропавшего мужчины и в поле статуса

написал: «Оба».

Программа исправила на «неизвестно».

Я вернул «оба».

Она снова выбрала за меня.

Тогда я выключил монитор и достал бумагу.

На первом листе написал: «Версия документов». На втором — «Версия памяти заявителя». Между ними оставил пустую колонку: «Свидетель».

Анна смотрела через плечо.

— Ты уже строишь систему.

— Нет. Система как раз требует выбрать.

— А это?

— След того, что выбор пока не сделан.

Мы позвонили женщине, чей муж одновременно значился живым и пропавшим. Она назвала его сестру. Сестра помнила похороны: закрытый гроб, сильный дождь, чужой зонт в руке. Сын помнил, как утром отец ел на кухне и ругался на холодный чай.

Они приехали через час. Сидели по разные стороны стола и не спорили. Это было страшнее спора. Каждый видел, что другой не лжёт.

— Какой лист подшивать? — спросила сотрудница.

— Оба.

— Тогда дело не закроется.

— Пусть.

— Так нельзя работать.

Она была права. Архив существовал для завершённых фактов. Незавершённость плохо помещалась в папку и ещё хуже — в отчёт.

Я вырезал резину из старой канцелярской печати и сделал новый штамп:

РАСХОЖДЕНИЕ. НЕ УСТРАНЯТЬ БЕЗ СВИДЕТЕЛЯ.

Слово «свидетель» тогда означало только человека, готового подтвердить: противоречие не приснилось одному заявителю. Не судью. Не владельца истины. Просто вторую память, которую реальность не сможет переписать молча.

К концу часа на столе лежали семь двойных карточек. Программа по-прежнему считала их ошибочными. Бумага не возражала.

Начальница архива увидела красный штамп через двадцать минут.

Людмила Павловна работала здесь дольше, чем существовали две версии моей трудовой книжки. Она не верила в мистику, зато верила в номенклатуру дел, сроки хранения и персональную ответственность. Папку с двумя взаимоисключающими свидетельствами держала так, будто я подложил в неё живое животное.

— Что означает «не устранять»?

— Не удалять одну из версий без дополнительного подтверждения.

— Подтверждения чего?

— Что версия исчезла не только из базы.

— Виктор Сергеевич, у нас архив, а не кружок философии.

— Поэтому я и оставляю документы.

Она открыла дело о пропавшем муже.

— Здесь человек либо жив, либо нет.

Сын мужчины сидел в читальном зале за стеклом. Он помнил отца за завтраком. Сестра — на похоронах. Людмила Павловна видела обоих.

— Выберите сами, — сказал я.

Она долго смотрела на подписи, потом закрыла папку.

— Я не обязана выбирать.

— Да.

Это разозлило её сильнее прямого спора.

— Уберите самодельный штамп. Все нестандартные запросы через меня. И никаких посетителей после закрытия.

— Хорошо.

— Вы согласились слишком быстро.

— Я уберу штамп со стола.

Она поняла разницу, но не стала уточнять. Через час в кладовой нашлась отдельная металлическая тележка. Людмила Павловна приказала поставить на неё «сомнительные дела» и не смешивать с основным фондом.

Так у несовместимых воспоминаний появился первый официальный адрес. Не отдел и не статус. Тележка с кривым колесом, которую нельзя было включить в отчёт.

Анна наклеила на ручку бумажную полоску: «НЕ СВО-

ДИТЬ».

— Это уже похоже на учреждение, — сказала она.

— У учреждения должен быть бюджет.

— Тогда пока секта.

— У секты должен быть лидер.

— Не переживай, желающие найдутся.

Она сказала это шутливо, но посмотрела на серую папку в сейфе. Любая система, сохраняющая чужую правду, рано или поздно привлекает человека, который решит распределять правды по важности.

— Ты понимаешь, что это ничего не остановит? — спросила Анна.

— Понимаю.

— Тогда зачем?

Я посмотрел на две подписи под несовместимыми жизнями одного человека.

— Чтобы, когда одна исчезнет, осталось доказательство: мы видели не ошибку.

В обед Анна ушла открыть магазин. Вернулась через сорок минут с коробкой нераспроданных пирожных и новостями.

— На соседней улице женщина выиграла машину, хотя не покупала билет. В торговом центре мужчина три раза подряд избежал падения вывески. А у меня покупательница попросила зеркало, в котором она не стареет.

— Нашла?

— Все зеркала так делают, пока не сравнишь себя с фотографией.

Она положила телефон на стол. В городских чатах распространялись короткие ролики: монета стояла на ребре; дверца шкафа открывалась в школьный спортзал; человек проходил мимо камеры и не появлялся в записи. Большинство комментариев называло видео монтажом. Несколько пользователей предлагали купить «способность».

— Дары становятся товаром быстрее, чем мы успели придумать им название, — сказала Анна.

— Названия уже есть.

— У нас. У них пока «везение», «проклятие», «исчезновение» и «портал в Турцию».

Я посмотрел на монету. Она принадлежала девушке, которая вчера искала сведения о матери. До Потолка Дары имели адрес. После — превратились в погоду.

В архив позвонили из городской больницы. Дежурный врач искал сведения о мальчике по имени Матвей Карев. Его привезли после ДТП. Родители утверждали, что ребёнок находился в машине. Полиция не нашла его в салоне. Врачи осматривали пустую койку, но аппаратура показывала пульс и дыхание.

— Сколько ему лет? — спросил я.

— Двенадцать.

— Он говорит?

— Иногда. Голос слышит только мать.

Я записал адрес.

Через минуту позвонили из строительной инспекции. На парковке торгового центра одновременно лопнули тридцать две металлические балки. Обрушение остановилось в нескольких сантиметрах над машинами. На месте находился мужчина, рядом с которым техника ломалась уже третью неделю.

Ещё через десять минут сотрудница архива позвала к окну. На площади курьер открыл дверь фургона и вышел в школьный коридор. За его спиной несколько секунд виднелись шкафчики, дети и доска с расписанием. Потом дверь закрылась. Когда её открыли снова, внутри лежали коробки.

— Поедем в больницу? — спросила Анна.

Я посмотрел на список погибших из будущего. На инициалы С. К. и Т. Г.

— Сначала дождёмся владелицу монеты.

— Откуда ты знаешь, что она придёт?

Монета качнулась в сторону двери.

В коридоре кто-то бежал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.